



## Кіевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая <sup>1)</sup>.

### В. Перенесеніе Кіевской школьной драмы XVII и начала XVIII в.в. въ Московское государство.

Кіевская школьная драма въ XVII же вѣкѣ перешла и въ Московское государство и имѣла здѣсь болѣе благоприятныя, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, условія для своего развитія, чѣмъ въ юго-западной Россіи, подчиненной тогда Польшѣ. Въ Москвѣ уже чувствовалась въ это время особенная нужда въ научномъ образованіи, которой удовлетворить было некому. Извѣстно, что Борисъ Годуновъ послалъ до 30-ти человѣкъ молодыхъ русскихъ людей въ Западную Европу для обученія наукамъ, полезнымъ для государства; но изъ нихъ въ послѣдствіи только одинъ возвратился въ отечество, тогда какъ остальные навсегда остались за границей <sup>2)</sup>. Нужно было сначала подготовить почву для науки въ самой Россіи и завести мало-мальски систематическое образованіе,

---

<sup>1)</sup> См. Труды Кіевск. Дух. Акад. Сентябрь 1909 г.

<sup>2)</sup> „Исторія Россіи“, Иловайскаго, т. III, Москва, 1890 г. стр. 363; „Историческій Вѣстникъ“, январь, 1884 г., стр. 10.

которое служило бы подготовительною ступенію къ болѣе солиднымъ научнымъ знаніямъ. И этой потребности образованія стали удовлетворять Кіевскіе и вообще южно-русскіе ученые, которыхъ стали вызывать въ Москву приблизительно съ половины XVIII вѣка. Таковы южно-русскіе ученые Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій и Симеонъ Полоцкій. Особенно вызовъ южно-русскихъ ученыхъ въ Московское государство усилился со времени Петра I, который вызывалъ ихъ и для занятія іерархическихъ должностей, и для преподаванія въ тамошнихъ школахъ, напримѣръ въ Московской Академіи.

Вызываемые въ Московское государство, южно-русскіе ученые старались показать здѣсь, по возможности, весь запасъ своихъ знаній; и нѣкоторые изъ нихъ писали и драматическія сочиненія. Между ними нашелся даже и спеціалистъ по театральной части: это Степанъ Чижинскій, львовскаго повѣта шляхетскій сынъ, по спеціальности учитель латинскаго языка, побывавшій и въ Кіево-Братскомъ монастырѣ. Онъ дѣлалъ въ Москвѣ „комедію о Давидѣ съ Голиафомъ и иныя комедіи и училъ комедійному дѣлу 80 человекъ всякаго чина людей" <sup>1)</sup>. Но для насъ важнѣе самостоятельныя драматическія произведенія Кіевскихъ ученыхъ, появившіяся на сѣверѣ Россіи. Они несомнѣнно имѣли свой корень въ кіевскихъ школьныхъ драмахъ, діалогахъ, декламацияхъ и т. п., но имѣли возможность развернуться на сѣверѣ Россіи болѣе свободно, чѣмъ на югѣ ея, такъ какъ не стѣснены были почти обязательнымъ для Кіевской Коллегіи типомъ польско-іезуитскихъ коллегій и академій. Къ такимъ кіевскимъ драматургамъ на сѣверѣ Россіи отно-

---

<sup>1)</sup> „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 190—2.

сятся Симеонъ Полоцкій, св. Дмитрій Ростовскій и учителя Московской Академіи самаго начала XVIII вѣка, между которыми главная роль принадлежала, по видимому, іеромонаху Іосифу Туробойскому. Всѣ они, въ большей или меньшей мѣрѣ, выбираютъ для разработки такіе виды драматическихъ формъ, которые менѣе всего разрабатывались въ Киевской Академіи въ XVII вѣкѣ, и пытаются вложить въ нихъ новое, болѣе живое содержаніе и новыя идеи. Такъ, напримѣръ, Симеонъ Полоцкій отвергаетъ аллегорическій способъ представленія драматическихъ событій, стоитъ на реальной почвѣ Св. Писанія и ратуетъ въ своихъ пьесахъ противъ коренныхъ недостатковъ въ жизни русскаго народа и за научное просвѣщеніе. Св. Дмитрій въ своихъ произведеніяхъ какъ своихъ собственныхъ, такъ и составленныхъ по его указанію и подъ его наблюденіемъ, любитъ разрабатывать тотъ родъ драматическихъ произведеній, который извѣстенъ подъ именемъ *мираклей*, т. е. основанный на житійной литературѣ. Онъ вкладываетъ въ нихъ идеи всепрощающей любви къ слабому, грѣшному человѣку и сочувствія къ низшей братіи и потому можетъ быть названъ проповѣдникомъ любви и милосердія къ ближнему. Первые учителя Московской Академіи самаго начала XVIII вѣка изъ кievлянъ привлекаются Петромъ I къ служенію государственнымъ интересамъ Россіи и, подъ его указку, копируютъ свои школьныя драматическія произведенія въ духъ государственныхъ интересовъ Петра I.

## І. Драматическія сочиненія Симеона Полоцкаго.

Іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, воспитанникъ Киевской Академіи, вызванъ былъ въ Москву въ 1664 году, въ качествѣ наставника для цесаревичей <sup>1)</sup>. Между другими много-

<sup>1)</sup> „Обзоръ русской дух. литературы“, Филарета, 3 изд., СПб., 1884 г., стр. 245.

численными его сочиненіями извѣстны и двѣ его комедіи: 1) „О Навуходоносорѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ пещи не сожженныхъ“, и 2) „Комедія притчи о блудномъ сынѣ“<sup>1)</sup>.

1) Первая изъ нихъ несомнѣнно обязана своимъ появленіемъ московскому „Пещному дѣйствию“. Симеонъ Полоцкій, всегда свысока относившійся къ московскимъ церковнымъ обычаямъ, находилъ постановку этого дѣйствія грубою и неискусною и потому пожелалъ разработать эту тему въ пьесѣ, написанной стихами, согласно правиламъ школьной піитики, и вообще дать содержанію Пещнаго дѣйства литературную форму. Для болѣе стройнаго и полного развитія сюжета, онъ призналъ необходимымъ ввести въ пьесу самого Навуходоносора, какъ главнаго виновника тѣхъ бѣдъ, которыя угрожаютъ тремъ отрокамъ,—его бояръ Амира, Зардана и Навусара, казначей, воиновъ, музыкантовъ, народъ и проч. Дѣйствіе начинается прологомъ („предисловіемъ“), въ которомъ идутъ похвалы царю (Алексію Михайловичу) и указывается, что не таковъ былъ Навуходоносоръ. Самая пьеса начинается хвастливою рѣчью Навуходоносора, который отдаетъ приказаніе поставить ему дорогую статую и поклоняться ей. Спусти мгновеніе, слуги, отдернувъ завѣсу, показываютъ царю его образъ и раскаленную пещь. Когда три отрока не исполняютъ царскаго повелѣнія, ихъ бросаютъ въ пещь. Это исполняютъ шесть воиновъ—представители грубой сферы, служащіе въ пьесѣ предвѣстниками цѣлыхъ вводныхъ сценъ или интермедій. Одинъ изъ воиновъ говоритъ:

Азъ и двѣ кожѣ готовъ есмь издрати;  
Съ единого хребта, а самъ не страдати.

<sup>1)</sup> Обѣ изданы въ „Русскихъ драматическихъ произведеніяхъ 1692—1725 годовъ“, П. Тихонравова, т. I, СПб., 1874 г., стр. 296—336.



Другой:

Мнѣ евреина толь сладко убить,  
Яко же меда сладка чашу пити.

Во время мученій отроки исполняютъ пѣснь, „яко же есть у Даниїла, глава 3-я“.

2) Но важнѣе другая пьеса Симеона Полоцкаго „Комедіи притчи о блудномъ сынѣ“<sup>1)</sup>. Она состоитъ изъ пролога, эпилога и шести дѣйствій или частей, а послѣ каждой части слѣдуетъ хоръ и интермедія.

Въ прологѣ говорится о содержаніи комедіи и о пользѣ театральныхъ представленій.

Въ первой части выходитъ отецъ съ двумя сыновьями и многими слугами. Онъ благодаритъ Бога за всѣ милости къ нему, затѣмъ даетъ сыновьямъ совѣты и дѣлитъ между ними свое имущество. Старшій въ длинномъ монологѣ благодаритъ отца; младшій проситъ позволенія посѣтить чужія страны. Онъ говоритъ:

Богъ далъ волю, и птицы летають,  
И звѣри въ лѣсахъ вольно пребываютъ.  
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати  
Разумну сушу весь міръ посѣщать.

Отецъ старается отговорить его, выставляетъ на видъ, что „юности воля сія нѣсть спасенна“ и что посѣщать чужія страны надо съ умомъ, а сынъ еще „не у добрѣ изученъ“. Онъ совѣтуетъ молодому человѣку сперва „вѣщше пріучитися въ домѣ“, а потомъ уже пускаться въ далекое „странствіе“; но сынъ настаиваетъ на своемъ:

Чтò стяжу въ дому? чему изучуся?  
Лучше въ странствіи умомъ обогачуся.

<sup>1)</sup> „Старинный театр въ Европѣ“, А. Веселовскаго, Москва, 1870 г., стр. 349 и 350: „Исторія русскаго театра“ И. О. Морозова, т. I, стр. 114—6.

Но, получивъ волю еще не окрѣпши въ добрѣ, молодой человѣкъ, вмѣсто обогащенія умомъ, предается въ чужихъ краяхъ широкому, необузданному разгулу,

Во второй части онъ называется уже „блуднымъ“ и пьянствуетъ со своими рабами: одному изъ нихъ онъ приказываетъ набрать побольше слугъ, обѣщая каждому платить по 100 рублей; съ другимъ играетъ въ зернь и, наконецъ, совершенно пьяный ложится спать.

Въ третьей части „изыдетъ блудный сынъ похмѣленъ“; слуги утѣшаютъ его и совѣтуютъ опять пить вино. Во время попойки сладкоигрателя (музыканты) и пѣвцы играютъ и поютъ. Подъ конецъ, слуги отказываются служить блудному сыну и съ крикомъ: „емлимъ!“ расхищаютъ все имущество и разбѣгаются.

Въ четвертой части блудный сынъ является свинопасомъ. Съ голоду онъ ѣсть со свиньями; за то, что онъ разогналъ стадо, его сѣкутъ плетью; наказаніе происходитъ за занавѣсой, откуда слышны только крики блуднаго: „государь, пощади!“

Въ пятой части блудный сынъ возвращается къ отцу. а въ шестой, въ длинномъ монологѣ, читаетъ себѣ правоученіе:

Познахъ бо нынѣ юность дурность быти,  
Аще кто хочетъ безъ науки жити.

Въ эпилогѣ комедіи говорится:

Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,  
На младый разумъ свой не уповати;  
Старимъ,—да юныхъ добрѣ наставляють,  
Ничто на волю молодыхъ не спущають;  
Наипаче образъ милости явился,  
Въ немъ же Божая милость вобразися,  
Да и вы Богу въ ней подражаете,  
Покаявшимся удобъ прощаете <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ“, Н. Тихонравова, т. I, стр. 296—322.



Пьеса эта издавалась съ рисунками для актеровъ, изображающими ихъ роли въ отдѣльныхъ сценахъ и эпизодахъ. Рисунки эти гравированы по рисункамъ голландца Цикара, воспроизводить не московскую сцену, а нѣмецкую или голландскую, и мѣстами восполняютъ содержаніе комедіи Симеона Полоцкаго. Такъ, напримѣръ, въ комедіи ничего не говорится о женщинахъ, а на картинкахъ онѣ изображены. На одной картинкѣ представлена даже цѣлая сцена, которой въ комедіи не оказывается,—сцена изгнанія блуднаго сына, ограбленнаго слугами, изъ жилища женщинъ, съ которыми онъ прежде пировалъ: „тогда и пренюбодѣицы ругахуся ему, овая гнаше кочергою, овая же воду лѣяше на него; онъ же, избѣжавъ, „увы!“ глаголетъ“. Очень возможно что, сочиняя свои рисунки, Цикаръ имѣлъ передъ глазами и отчасти копировалъ какіе нибудь иностранные образцы<sup>1)</sup>.

Немаловажный интересъ въ комедіи должны были представлять собою ея интермедіи. Къ сожалѣнію, онѣ не были помѣщены въ текстъ комедіи, и о нихъ мы можемъ судить только предположительно. Въ одной изъ позднѣйшихъ записей московскихъ школьныхъ интермедій начала XVIII вѣка мы видимъ какъ бы интермедію къ комедіи Симеона Полоцкаго о блудномъ сынѣ. Въ ней именно выступаетъ на сцену блудный сынъ, и притомъ вполне соотвѣтственно съ тѣмъ характеромъ его, съ какимъ онъ представленъ въ комедіи Симеона Полоцкаго. Въ этой интермедіи блудный сынъ представленъ пирующимъ. Къ нему приходитъ пьяница и изъявляетъ желаніе выпить за его здоровье. Въ благодарность за добрыя пожеланія, блудный сынъ подноситъ ему чашу, опустивъ въ нее сто златницъ. По сценическому указанію, „та чаша первію наполненна явѣ, а потомъ тайно

---

<sup>1)</sup> „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 114—120.

источится, юже онъ подъемъ праздну аки испіеть“. Выпивъ эту „праздную“ чашу, пьяница сваливается съ ногъ; слуги относятъ его къ сторонѣ; здѣсь пьяница умираетъ, и демонъ уноситъ его душу въ адъ. Блудный велитъ похоронить мертвеца и „съ другимъ другомъ далѣе веселится“. Эта сцена напоминаетъ рассказъ Олеарія о томъ, какъ русскіе кутилы его времени сталкивали опившихся подъ лавку и продолжали, какъ ни въ чемъ не бывало, пировать <sup>1)</sup>).

Такъ какъ церковная недѣля блуднаго сына предшествуетъ разгульной масляницѣ, то надобно полагать, что „комедія притчи о блудномъ сынѣ“ первоначально предназначалась для представленія наканунѣ масляницы и имѣла въ виду сколько нибудь сдержать и умѣрить предстоявшій масляничный разгулъ. На это указывала бы и приведенная выше интермедія къ пьесѣ о блудномъ сынѣ, выхваченная изъ Московской жизни.

Но, кромѣ этой непосредственной, ближайшей цѣли, указываютъ и другую, высшую цѣль комедіи. Основная мысль комедіи, съ одной стороны,—необходимость науки, образованія, которое одно только и можетъ сдерживать порывы юности и направлять ея стремленія на разумный путь, съ другой стороны — проповѣдь мягкаго, добродушнаго отношенія старшихъ къ ошибкамъ и проступкамъ неопытной юности. Эта мысль имѣла прямое отношеніе къ интересамъ русской жизни XVII столѣтія, когда въ умахъ молодого поколѣнія стала пробуждаться пылливость и въ обществѣ почувствовалась потребность болѣе широкаго образованія на европейскій ладъ. Намъ уже извѣстно, что Борисъ Годуновъ посылалъ нѣсколько молодыхъ русскихъ людей за границу для образованія, которые, однако, затерялись гдѣ-то на чужбинѣ. Можетъ быть, подъ влияніемъ этихъ

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 333; „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг.“, Н. Тихонравова, т. I, стр. 417—8.





примѣровъ, люди стараго закала упорно держались за свою старину, оставаясь вѣрными девизу: „которая земля переставляетъ обычаи свои, и та земля не долго стоитъ“. Симеонъ Полоцкій, какъ человѣкъ просвѣщенный, какъ одинъ изъ дѣятелей весьма немногочисленнаго въ его время кружка новыхъ людей въ Россіи, хотѣлъ своею обработкою евангельской притчи сгладить рѣзкія крайности и примирить неопредѣленные стремленія молодежи съ консерватизмомъ стариковъ, какъ это видно изъ приведеннаго выше эпилога къ комедіи <sup>1)</sup>.

Можно указать и болѣе частный случай къ составленію этой комедіи, прекрасно характеризующій ту эпоху, когда русская передовая молодежь томилась жаждою заграничнаго образованія. Въ 1660 году сынъ царскаго любимца Л. Аѳ. Ордина—Нащокина, молодой человѣкъ, подававшій большія надежды, которому иноземные учителя вскружили голову разсказами о Западной Европѣ, бѣжалъ за границу. Отецъ былъ страшно сконфуженъ и убить горемъ, самъ увѣдомилъ царя Алексѣя Михайловича о своемъ несчастіи и просилъ отставки. Царь отвѣчалъ ему задушевнымъ письмомъ, въ которомъ писалъ, между прочимъ: „Просишь ты, чтобъ дать тебѣ отставку, съ чего ты взялъ просить объ этомъ? думаю, что отъ безмѣрной печали. И что удивительнаго въ томъ, что надурилъ твой сынъ? отъ малодушія такъ поступилъ. Человѣкъ онъ молодой, захотѣлось посмотреть на міръ и его дѣла; какъ птица полетаетъ туда и сюда и, налетавшись, прилетаетъ въ свое гнѣздо, такъ и сынъ вашъ припомнитъ свое гнѣздо и свою духовную привязанность и скоро къ вамъ воротится“ <sup>2)</sup>. Эта царская мысль, повидимо-

<sup>1)</sup> „Старинный театръ въ Европѣ“, А. Веселовскаго, Москва, 1870 г., стр. 353—4; „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 119.

<sup>2)</sup> „Курсъ русской исторіи“, В. О. Ключевскаго, ч. III, Москва, 1908 г., стр. 422.

му, и обобщена Симеономъ Полоцкимъ въ его комедіи о блудномъ сынѣ, развиты на основаніи евангельской притчи и освящена авторитетомъ св. Писанія.

О наружной связи комедій Симеона Полоцкаго со школьными драмами Кіевской Академіи XVII вѣка свидѣтельствуешь уже самая форма и внѣшняя отдѣлка ихъ. Обѣ онѣ составлены по всѣмъ правиламъ кіевской школьной поэтики и написаны силлабическими виршами.

Что же касается внутреннего характера комедій Симеона Полоцкаго; то въ этомъ отношеніи онѣ, по словамъ нашихъ ученыхъ, довольно рѣзко отличаются отъ южнорусскихъ школьных дѣйствъ: въ нихъ нѣтъ ни одной аллегорической фигуры, какія были необходимою принадлежностью южнорусской школьной драмы, и всѣ дѣйствующія въ нихъ лица стоятъ на исторической и вообще на реальной почвѣ. Эта особенность его комедій и особенно „комедіи притчи о блудномъ сынѣ“ объясняется тѣмъ, что въ послѣдней Симеонъ Полоцкій пользовался не іезуитскими источниками, а польскими народными, которые обрабатывали эту тему, не вдаваясь въ правоучительный символизмъ, такъ какъ притча о блудномъ сынѣ и безъ того достаточно поучительна. Можетъ быть, Симеонъ Полоцкій не рѣшился ввести въ свою пьесу отвлеченныя фигуры также и потому, что для большинства московскихъ зрителей его времени онѣ были бы мало понятны <sup>1)</sup>. Другіе объясняютъ реализмъ комедій Симеона Полоцкаго и воздѣйствіемъ на него современной ему нѣмецкой драматической литературы въ Москвѣ, въ русской обработкѣ. Симеону Полоцкому нѣкоторые предположительно приписываютъ участіе въ систематической обработкѣ пьесъ пастора Іереги, послав-

---

<sup>1)</sup> „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 121—2.



явившихся на московской придворной сценѣ. Въ свою очередь, пьесы Грегори могли отразиться и на драмахъ самого Симеона Полоцкаго: знакомству съ ними будтобы обязанъ онъ реализмомъ и естественностію своихъ произведений, а особенно драмы о блудномъ сынѣ <sup>1)</sup>. Не отрицая дѣйствія этихъ причинъ, мы съ своей стороны замѣтимъ только, что и кievская школьная драма не чуждалась совершенно реализма въ изображеніи дѣйствующихъ лицъ, какъ это мы видѣли въ школьныхъ драматическихъ произведеніяхъ, занесенныхъ въ Галицію и Слободскую Украину <sup>2)</sup>, и, слѣдовательно, реализмъ Симеона Полоцкаго можно считать лишь естественнымъ развитіемъ реализма кievскихъ школьныхъ пьесъ, особенно не предназначавшихся для публичнаго представленія. .

Комедія Симеона Полоцкаго о блудномъ сынѣ пользовалась въ Московскомъ государствѣ большимъ успѣхомъ и не разъ перепечатывалась <sup>3)</sup>. Что же касается его комедіи о Навуходоносорѣ, то отраженіе ся мы видимъ на московской школьной пьесѣ „Страшное изображеніе второго пришествія Господня на землю“, 1702 года, гдѣ тоже выводятся на сцену Навуходоносоръ и пророкъ Даниилъ, хотя и въ другихъ положеніяхъ <sup>4)</sup>.

## II. Драматическія произведенія съ именемъ св. Димитрія Ростовскаго.

Св. Димитрій (Туптало) Ростовскій, воспитанникъ Кіевской Академіи, большую часть жизни своей провелъ на югѣ Россіи, обезсмертивъ себя въ духовной литературѣ ка-

---

<sup>1)</sup> „Исторія русскаго театра“, Б. В. Варнеко, ч. I, Казань, 1908 г., стр. 43.

<sup>2)</sup> См. предыдущую главу.

<sup>3)</sup> „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 122.

<sup>4)</sup> „Русскія драматич. произведенія 1672—1725 годовъ“, Н. Тихонравова, т. II, СПб., 1874 г., стр. 8.

питательнымъ трудомъ своимъ, составленіемъ извѣстныхъ Четь — Милей. Небольшіе досуги своей трудовой жизни или часы необходимаго отдыха онъ употреблялъ иногда и на составленіе духовныхъ пѣсень школьнаго характера, хотя и не имѣлъ непосредственныхъ служебныхъ отношеній къ Киевской Академіи. Значить, онъ чувствовалъ въ себѣ нѣкоторое поэтическое призваніе и, по возможности, отзывался на него. Къ пѣсамъ южно-русскаго періода его жизни нужно отнести „Успенскую драму“ и „Грѣшникъ кающійся“. Назначенный въ 1701 году въ Ростовскіе митрополиты, св. Димитрій учредилъ въ Ростовѣ епархіальную школу;—и хотя классы ея доведены были только до грамматики, однако и въ ней отправлялись, въ нарочитые дни, школьныя дѣйства, вѣроятно составленныя по желанію и указаніямъ самого св. Димитрія. Къ такимъ пѣсамъ относятся недошедшій до насъ Діалогъ на Воскресеніе Христова, конспектъ Ростовскаго дѣйства, Рождественская драма и Димитріевская драма <sup>1)</sup>).

1. *Успенская драма* св. Димитрія Ростовскаго, извѣстная до послѣдняго времени только по названію, найдена и напечатана лишь въ 1907 году профессоромъ М. Н. Сперанскимъ по черновому автографу св. Димитрія. По мнѣнію профессора Сперанскаго, рукопись относится къ концу XVII вѣка.

Содержаніе и ходъ драмы слѣдующіе:

Въ первомъ явленіи перваго дѣйствія Іаковъ, посланный отцомъ своимъ Исаакомъ въ Месопотамію къ сроднику своему Лавану свататься къ прекрасной дочери его Рахили, объявляетъ о своемъ намѣреніи людямъ, въ данномъ слу-

<sup>1)</sup> Біографическія подробности см. въ книгѣ „Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.)“, И. А. Шляпкина, СПб., 1891 года.



чаѣ слушателямъ пѣсы, и приглашаетъ ихъ къ себѣ какъ бы въ сваты или въ дружки:

Хощете ли, и съ нами на свадьбу пойдѣте,  
Прощу—радъ буду, и Лаванъ васъ принять,  
Яко пріятелей своихъ любезнѣ обійметъ.

Утружденный долгимъ путемъ и дневнымъ зноемъ, онъ ложится на землю спать, положивъ въ возглавіе камень, и видитъ во снѣ лѣствицу отъ земли до небесъ, съ восходящими и нисходящими по ней ангелами, предзнаменовавшую рожденіе изъ его потомства дѣвы Маріи, соединившей небо съ землею.

Во второмъ и третьемъ явленіяхъ изображаются успеніе Богоматери, плачъ христіанской церкви объ ея кончинѣ, ея взятіе на небо и прославленіе ангелами. Извѣщенная архангеломъ Гавріиломъ о своей кончинѣ за три дня до нея, Пресв. Дѣва пожелала видѣть святыхъ апостоловъ, которые мановеніемъ Божиимъ собраны были со всѣхъ концовъ вселенныя и честно проводили ея тѣло ко гробу:

Іоаннѣ вѣтѣвъ, инны свѣщи впредѣ ношаху,

Инны аллилуіа со псалмы пояху.

Во время погребальнаго мествія одианъ невѣрный жиловинъ хотѣлъ опрокинуть гробъ съ пречистымъ тѣломъ, но наказанъ былъ ангеломъ отсѣченіемъ рукъ; увѣровавши во Христа и Пресв. Дѣву, онъ получилъ исцѣленіе. Душа Пресв. Богородицы взята была возлюбленнымъ ея Сыномъ на небо, а тѣло погребено на Елеонской горѣ, откуда оно вскорѣ взято было на небо для соединенія съ душою.

Между тѣмъ Вѣсть сообщаетъ пустынникамъ о кончинѣ Богоматери. Пустынники скорбятъ о ея смерти; но Вѣсть утѣшаетъ ихъ, увѣряя, что она—

Не умре, но къ жизни въ жизнь вѣчну преселися,

Въ безконечныя вѣки тамъ съ Сыномъ царствуетъ.

Скорбить о кончинѣ Богоматери и Церковь:

*Преставися отъ земныхъ милосердна Мати;*



Кто намъ въ сиротствѣ будетъ, кто милость являти?

Къ кому притекутъ скорбныи и въ бѣдахъ елицы?

Къ кому... Дѣвы матере вдовицы?

Кто утѣшитъ плачущихъ, нищихъ и печальныхъ,

Словомъ, дѣломъ внеселигъ кто ближнихъ и дальнихъ?

Утѣшеніе объясняетъ плачущей Церкви планы Божьяго домоостроительства человѣческаго спасенія, что Дѣва съ плотію взята ангелами на небо, оставивъ людямъ свое святое имя, и свыше призираетъ на людей милосерднымъ окомъ. Олицетворенное Бравіе (вѣтвь) райское рассказываетъ о предсмертномъ пламенномъ желаніи Богоматери соединиться на небесахъ съ возлюбленнымъ своимъ Сыномъ, о вознесеніи ея ангелами на небеса и о торжественной встрѣчѣ ея здѣсь Отцомъ, Сыномъ и Св. Духомъ. Затѣмъ, „ангелы, прочіимъ поющимъ, приходятъ ко гробу и берутъ образъ“ и поютъ хвалебныя пѣсни Богородицѣ.

Въ четвертомъ явленіи передается эпизодъ о невѣріи Оомы, непослѣвшемъ на погребеніе Богоматери и невѣровавшемъ въ ея кончину. Вѣра, Надежда и Любовь убѣждаютъ его, а ангелы показываютъ ему гробъ Богоматери, но безъ ея тѣла, взятаго уже на небо.

Въ пятомъ явленіи „отроки рыдаютъ о преселившейся въ небо Богородицѣ“. Первый отрокъ приглашаетъ всю тварь соболѣзновать ему въ печали:

Плачите, очи, плачи и все тѣло,

Плачите зѣло,

Восплачи, земли, и яже суть въ тебѣ,

Плачите древа, цвѣты, требѣ!

Плачте камены, взрыдайте горы,

Иже въ моря! и проч.

„Ангель съ небесъ“ утѣшаетъ плачущихъ юношей, говоря:

Се желаніе ваше исполнися:

Мати Бога,—всякій присмотрися, —

Отъ Отца, Сына вѣнцемъ увѣнчанна,

Свѣтомъ Святаго Духа осіянна,

Облечется нетлѣнна въ нетлѣнну одежду,  
Вамъ же всѣмъ возвѣщаетъ вѣчныхъ благъ надежду.

Второе дѣйствіе Успенской драмы почти все посвящено попоченію Богоматери о грѣшномъ человѣкѣ, который осужденъ быть небеснымъ судомъ на муки и спасенъ чрезъ покаяніе я черезъ молитву Богородицы за него. Грѣшный человѣкъ отчаевается въ своемъ спасеніи, но Сокровище, въ несвойственной ей роли, убѣждаетъ его не предаваться отчаянію и принести покаяніе прежде чѣмъ наступитъ смерть. Грѣшникъ отвѣчаетъ ей перифразомъ Овидія:

Первѣ солнце згаснетъ, звѣзды потемнѣють,  
Первѣ свѣтозаріе небеса истлѣють,  
Первѣ источатся источники въ морѣ,  
Первѣ непроходны во путь пойдутъ горы,  
Первѣ каменные возглаголютъ стѣны,  
Неже ми помилуетъ Бога благостины.

Тогда Гнѣвъ Божій приступаетъ къ грѣшнику и хочетъ убить его, чтобы онъ принялъ возмездіе за свои грѣхи. Между ними начинается разговоръ, напоминающій собою разговоръ Ирода или Аники война со смертію.

*Грѣшникъ.* Гнѣве Божій, потерпи поне мало время,  
Да грѣховъ моихъ сложу на чистое бремя.

*Гнѣвъ* (уже не зремый). Доколе имѣлъ еси разумъ, память, волю,

Могущъ каятися: въ вѣчну днесъ иди неволю!

*Грѣшникъ.* Поне часъ или два ны продолжи, молю ти!

*Гнѣвъ.* Ни полминуты!

Прійми казнь по дѣломъ ти, и болшую пріймешь,  
Егда ся огнемъ вѣчнымъ геенскимъ обыймешь.

За грѣшника заступается Благоутробіе Богородицы и убѣждаетъ Гнѣвъ Божій представить грѣшника на Судъ Божій, который, послѣ предъявленія обвиненій противъ грѣшника и вслѣдствіе заступничества Милосердія,—

Не преда(етъ) грѣшника подъ адское бремя,

Но въ крѣпкую темницу заключаетъ на время,

т. е. какъ бы подвергаетъ его предварительному заключенію.

Находясь во временномъ заключеніи, Грѣшникъ воспоминаетъ свои грѣхи, подвергается мученіямъ Совѣсти и даже завидуетъ безмысленному скоту, который умираетъ навѣки и, вслѣдствіе своего неразумія, не знаетъ вѣчной муки. Совѣсть и Надежда успокоиваютъ его и ободряютъ упованіемъ на Милосердіе Богоматери.

Въ третьемъ явленіи втораго дѣйствія происходитъ правый Судъ Божій надъ грѣшникомъ, который, однако же, по молитвѣ Пресв. Дѣвы, освобожденъ отъ вѣчной смерти и адскихъ мученій и облеченъ въ первоначальную бѣлую одежду чистоты.

Въ четвертомъ явленіи прощенный Грѣшникъ прославляетъ милость Богоматери, которая—

Надежда убо грѣшнымъ, помощь отчаяннымъ,  
Спасеніе погибшимъ и въ муку посланнымъ.

Онъ приглашаетъ и другихъ людей обращаться къ заступничеству Богоматери въ тѣсныхъ обстоятельствахъ своей жизни:

Вы же, о человѣци, прилѣжно выимайте,  
Марію челоѣкомъ заступницу знайте:  
На земли, во пустыни и промежду горы,  
Въ кровавыхъ бранехъ на поле, также и въ моры  
Взывай на помощь Дѣву: та будетъ ти щитомъ,  
Та предстанетъ ти въ помощь съ ангелъ синклитомъ.

Примиренный съ совѣстію, Грѣшникъ умираетъ и, не смотря на протестъ нотарія, признается освобожденнымъ отъ адскихъ мученій и восходитъ на небо. Ангелъ—хранитель радуется и приглашаетъ къ сорадованію и всѣ ангельскіе чины.

Послѣднее, пятое явленіе содержитъ своего рода апофеозъ Богоматери. Олицетворенныя Власть, Митра Церкви, Вѣнецъ и т. д. возносятъ хвалы Богородицѣ и преклоняютъ предъ ея образомъ, при чемъ дѣлаются указанія на современныя политическія обстоятельства Малороссіи. Такъ, на-



примѣръ, Щитъ отъ гражданъ, обращаясь къ Богоматери, какъ стонущу, молить ее:

...Защити вѣрныхъ отъ злыхъ агаряновъ  
И отъ невѣрныхъ прочихъ погановъ!

Эпилוגъ высказываетъ главную идею драмы:

Се уже, слышателью, еже обѣщаемъ,  
По сытъ нашей любви твоей покажемъ:  
Како Дѣва безсмертна на небѣ царствуетъ,  
И како спасеніе намъ ходатайствуетъ.  
Вамъ же за вниманію главы преклоняемъ,  
Что въ словѣ согрѣшихомъ, простѣте, желаемъ <sup>1)</sup>.

Соотвѣственно двумъ актамъ своимъ, Успенская драма св. Димитрія распадается, по своему содержанію, на двѣ части, изъ коихъ первая говоритъ собственно объ успеніи Богоматери, а вторая—о спасеніи грѣшника ея заступничествомъ.

Первая часть драмы основана на цѣлѣ православныхъ и иныхъ сказаній объ успеніи Богородицы, каковы, наприкладъ, проложныя статьи, слова Іоанна Богослова и Іоанна Солунскаго, распространенныя въ русскихъ спискахъ, содержаніемъ коихъ дѣйствительно покрывается вся фактическая сторона драмы. Но особенную близость обнаруживаетъ драма съ изложеніемъ сказаній объ успеніи въ его же минеѣ. Въ этомъ можно предполагать не заимствованіе изъ минеи въ драму, а скорѣе—общность источниковъ. При этомъ нѣкоторые отдѣльныя подробности показываютъ, что нѣкоторые источники, не использованные минеей, повліяли на св. Димитрія при изложеніи драмы стилистически <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> „Успенская драма св. Димитрія Ростовскаго“, съ предисловіемъ М. Н. Сперанскаго, въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ“, 1907 г., кн. 3, отд. II.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. VII и VIII.

Другая половина Успенской драмы, именно о катющемся грѣшникѣ, основана частію на житійныхъ же, частію на другихъ стороннихъ источникахъ.

Выше мы указывали „Розмову вократцѣ о душѣ грѣшной, судъ принявшей отъ Судіи справедливаго Христа Спасителя“, начала XVIII вѣка, основанную, по нашему мнѣнію, на житіи Василия новаго, составленномъ ученикомъ его Григоріемъ <sup>1)</sup>. Это же самое житіе, до XVШ в. не встрѣчающееся въ южнорусской письменности, помѣщенное въ Четь-Минейхъ св. Димитрія Ростовскаго и заимствованное имъ изъ великихъ Макаріевскихъ Четь-Миней, послужило основаніемъ и для второй части Успенской его драмы, которая, однако же, существенно отличается отъ „Розмовы“ тѣмъ, что заканчивается не осужденіемъ грѣшника, а помилованіемъ его по заступничеству Богоматери.

Это заступничество Богоматери за грѣшника объясняется уже изъ другихъ источниковъ. Извѣстны греческія иконныя изображенія *Деисиса* (δῆξις—моленіе), переименованныя у русскихъ въ Деисуса, на которыхъ предстоящіе Богородица и Предтеча умоляютъ Спасителя помиловать грѣшный родъ человѣческій.

*Богородица.* Прими моленіе Матери Твоей, Милостиве!

*Христось.* Чего просиши, Мати?

*Богородица.* Спасенія смертныхъ.

*Христось.* Они прогнѣвали меня.

*Богородица.* Помилуй ихъ, Сыне Мой!

*Христось.* Но они не обращаются.

*Богородица.* Спаси ихъ туне! <sup>2)</sup>.

Есть и распространенныя въ Малороссіи апокрифическія сказанія о хожденіи Богородицы по мукамъ, по обо-

<sup>1)</sup> См. выше, въ предыдущемъ отдѣлѣ; см. Четь-Миней св. Димитрія подъ 26 марта.

<sup>2)</sup> См. экземпляръ въ коллекціи иконъ преосвящ. Порфірія Успенскаго; см. „Труды Киевской Дух. Академіи“, окт., 1886 г., стр. 297.

зрѣніи которыхъ она возносится ангелами на небо, къ престолу Сына своего, и умоляетъ его о помилованіи грѣшниковъ <sup>1)</sup>.

Въ Успенской драмѣ св. Димитрія замѣтны нѣкоторые слѣды зависимости ея и отъ предшествующихъ ей Кіевскихъ школьныхъ драмъ. Въ ней такъ же, какъ и въ „Дѣйствіи на страсти Христовы“ 1685 года, полагаются иконы для апофеоза, и замѣчается нѣкоторое сходство въ характеристикѣ выводимыхъ на сцену лицъ. Напримѣръ, въ „Успенской драмѣ“ Грѣшникъ, а въ „Дѣйствіи на страсти Христовы“ Іовъ въ сходныхъ чертахъ проклинаятъ день своего рожденія. Затѣмъ, въ Успенской драмѣ Грѣшникъ иногда буквально выражаетъ свое отчаяніе такими же словами, какими и олицетворенное Отчаяніе въ драмѣ „Царство Натуры людской“ 1698 года, перифразируя элегію Овидія <sup>2)</sup>.

Судя по названію и содержанію, Успенская драма св. Димитрія написана на день успенія Богородицы, 15 августа, но не для школьнаго употребленія, такъ какъ св. Димитрій до своего митрополитства въ Ростовѣ не имѣлъ непосредственныхъ отношеній къ какой либо школѣ, да и праздникъ Успенія падаетъ на пакаціальное время. Тѣмъ не менѣе изъ нѣкоторыхъ замѣчаній пьесы можно видѣть, что, если она и не представляема была на сценѣ, то предназначалась для этого авторомъ. Таковы, напримѣръ, замѣчанія: „по первомъ пѣніи изыдетъ Утѣшеніе съ именемъ Маріинымъ“ (дѣйств. 1, стихъ 375), „Ангели прочіимъ поющимъ придутъ ко гробу и возьмутъ образъ“ (д. I, стр. 597), ал. Θομα

<sup>1)</sup> „Записки Українського Наукового Товариства въ Київі“, кн. 2, Кієвъ, 1908 г., стр. 173 и слѣд.

<sup>2)</sup> „Памятники русской драматич. литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г. стр. 148; см. „Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ“, 1907 г., кн. 3, отд. II, стр. 29.

„смотреть въ гробъ“ (д. I, ст. 811), „ангели отворяютъ“ (д. I, ст. 822), „Гнѣвъ уже не зрѣмый“ (д. II, ст. 93), и проч. Разные эпизоды совершаются на землѣ, на небѣ и въ аду. Можно бы, поэтому, подумать, что драма предназначалась для представленія въ какомъ либо многолюдномъ монастырѣ по случаю храмоваго праздника. Такимъ монастыремъ могъ быть или Кіево-Печерскій, въ которомъ св. Дмитрій періодически проживалъ съ 1684 года, или Черниговскій Елецкій Успенскій монастырь, въ которомъ онъ былъ настоятелемъ съ 1697 до 1699 года. А такъ какъ мартовская четверть великихъ Макарьевскихъ Четь-Миней, изъ которой извлечено житіе преп. Василія Новаго, получена была св. Дмитріемъ изъ Москвы въ 1695 году<sup>1)</sup>; то слѣдуетъ заключить, что Успенская драма сочинена и могла разыгрываться въ бытность св. Дмитрія Елецкимъ архимандритомъ, между 1697 и 1699 годами. Если же признать нѣкоторую зависимость Успенской драмы отъ Кіевской школьной драмы „Царство Натуры людской“ 1698 года; то нужно будетъ отнести Успенскую драму къ 1698 или къ 1699 году. Исполнителями ея могли быть молодые монахи и бѣльцы—послушники или пѣвчіе, на которыхъ и указываетъ пьеса подъ названіемъ „еремитовъ“ или „пустынниковъ“ и „отроковъ“.

Во всякомъ случаѣ, Успенская драма написана св. Дмитріемъ тогда, когда онъ уже освоился съ церковно-славянскимъ языкомъ великихъ Макарьевскихъ Четь-Миней. Этимъ и объясняется и относительная чистота языка Успенской драмы въ сравненіи съ макароническимъ стихомъ прежнихъ школьных Кіевскихъ дѣйствъ.

2) Другая драма, приписываемая св. Дмитрію Ростовскому, есть драма „Грѣшникъ кающійся“. Содержаніе

<sup>1)</sup> „Св. Дмитрій Ростовскій и его время“, И. А. Шляпкина, 1891 г., стр. 36, 255, 257 и 263.

этой пьесы князь Шаховской передаетъ слѣдующимъ образомъ. Сцена изображаетъ пустынный видъ. Въ срединѣ стоятъ три существа: грѣшникъ, ангелъ хранитель и демонъ. Грѣшникъ— въ бѣлой одеждѣ, скрытой подъ черными нашивками, на которыхъ написаны всѣ его прегрѣшенія. Рѣчи ангеловъ и демоновъ дополняются двумя невидимыми хорами ихъ собратій. Хоръ ангеловъ восхваляетъ милосердіе и благодать Божию, и грѣшникъ готовъ покаяться; но, опустивъ глаза, онъ видитъ свою одежду, ужасается бездны грѣховной и богохульствуетъ; адъ радуется новой добычѣ. Но ангелы восхваляютъ прощеніе разбойника; это обуздываетъ отчаяніе грѣшника, и онъ отъ всего сердца начинаетъ молитву. По мѣрѣ покаянія, нашивки спадаютъ одна за другою и, наконецъ, обнаруживается бѣлая одежда, символъ невинности. Но борьба утомила человѣка; смерть близка; онъ умираетъ, а душа его возносится къ небу при пѣніи ангеловъ, тогда какъ въ аду слышатся отчаянные крики и скрежетъ зубовъ <sup>1)</sup>).

Очевидно, эта пьеса представляетъ изъ себя только вариацию втораго акта Успенской драмы св. Димитрія. Несмотря на различіе обстановки, чувствуется сходство въ изображеніи самой идеи покаянія и въ развитіи дѣйствія. Какъ и въ Успенской драмѣ, мы видимъ колебанія грѣшника по отношенію къ покаянію, постепенное его обращеніе; такъ же, какъ и въ Успенской драмѣ, символомъ прощенія является одежда (тамъ возвращаемая ему прежняя чистая, а здѣсь—постепенно бѣлѣющая) <sup>2)</sup>.

3) „Ростовское дѣйство“, сохранившееся только въ программѣ или афишѣ, написано было на Рождество Христово

<sup>1)</sup> Тамъ же, приложен., стр. 71—2.

<sup>2)</sup> „Чтенія въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ“, 1908 г., кн. 3, отд. II, стр. VII.



Содержаніе его слѣдующее. Благодать Божія возводитъ человека на престолъ и даетъ ему заповѣдь не вкушать отъ древа познанія добра и зла. Но человекъ, поддавшись искушенію лести дьявольской, нарушаетъ заповѣдь и вкушаетъ яблока, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, видитъ все злое. Тогда является къ нему грѣховная злоба на лютomъ змѣѣ, отгоняетъ благодать Божію, ниспровергаетъ престолъ и обнажаетъ человека, а Гнѣвъ Божій предаетъ его въ руки смерти. Во второмъ дѣйствіи Голиафъ, по примѣру дьяволовъ, приготовляющихъ орудія мученія для человека, готовится уничтожить израильтянъ; но Давидъ, прообразовавшій І Христа, одерживаетъ побѣду надъ Голиафомъ и приноситъ его голову Саулу.—Въ третьемъ дѣйствіи молнія побиваетъ дьяволовъ, кующихъ оружіе на мѣрь, а „бездушный образъ“, представляющій собою смертнаго человека, привѣтствуетъ восходящее солнце, предзнаменующее имѣющаго родиться предвѣчнаго солнца Христа. Любовь Божья является на спасеніе міра и возвращаетъ человеку его престолъ<sup>1)</sup>.

Но принадлежность этой пьесы св. Димитрію болѣе, чѣмъ сомнительна. Въ видѣ программы или афиши, она могла быть занесена въ Ростовъ изъ Киевской Академіи, гдѣ дѣйствительно она имѣетъ параллели и сходство съ тогдашними киевскими драмами конца XVII и начала XVIII в.в. Доселѣ указывали сходство ея по содержанію съ киевской пьесой „Мудрость Предвѣчная“, 1703 года<sup>2)</sup>. Мы, съ своей стороны, укажемъ еще на киевскую пьесу „Свобода“ 1701 г., въ которой подобнымъ образомъ Небо умерщвляетъ гро-

<sup>1)</sup> „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 109; „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. А. Шляпкина, приложен., стр. 70 и 71.

<sup>2)</sup> „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 107—109.



момъ и молніями седмочисленные грѣхи, Міръ и Гнѣвъ, и также выступаютъ на сцену Гнѣвъ Божій, Смерть и наконецъ Милосердіе Божіе. Изъ этой же пьесы можно понять и выступающій въ „Ростовскомъ дѣйствѣ“ непонятный „бездухный образъ“ въ человѣческомъ видѣ, которому въ пьесѣ „Свобода“ соответствуетъ „златоглавый идолъ“, означающій собою Міръ съ его тщетной славой, гордостію и суетными богатствами <sup>1)</sup>).

Афиша или самая пьеса могла быть занесена изъ Кіева въ Ростовъ или даже сочинена здѣсь по кіевскимъ образцамъ учителями Ростовской школы св. Димитрія, получившими образованіе въ Кіевской Академіи. Изъ учителей этой школы извѣстны учитель русскаго языка Евонимій Морогинъ и латинскаго—Иванъ Мальцевичъ, судя по фамиліи, малороссъ <sup>2)</sup>).

4) „Рождественская драма“ представлена была въ Ростовѣ 24 декабря 1702 года. Она написана по всѣмъ правиламъ школьной пѣтики и состоитъ изъ антипролога, пролога, 18-ти явленій и эпилога.

Въ антипрологѣ „Натура людская“ скорбитъ о человѣческомъ несовершенствѣ и грѣхопаденіи, сдѣлавшемъ ее рабою Смерти. Надежда, Золотой вѣкъ, Покой (т. е. Миръ), Любовь, Кротость, Незлобіе, Радость и Фортуна утѣшаютъ ее; за ними Разсужденіе, Желѣзный вѣкъ, Врань, Ненависть, Ярость, Злоба, Плачь и Зависть указываютъ на темныя стороны жизни. Натура смущена, а Смерть провозглашаетъ свое господство. Ее останавливаетъ Жизнь, явившаяся въ міръ оживить человѣка и сподобить его вѣчнаго житія. Далѣе слѣдуетъ прологъ, съ изложеніемъ содержанія

---

<sup>1)</sup> „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1907 г., кн. 3, стр. 55 и сл.

<sup>2)</sup> „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. А. Шляпкина, стр. 328—330.



дѣйства: гибель Ирода, поплатившагося за то, что онъ „зѣло въ суетныхъ міра страстѣхъ былъ окованъ“.

Въ первомъ явленіи Земля плачется на свою участь вслѣдствіе грѣхопаденія праотцевъ: Небо утѣшаетъ ее, обѣщая скорое пришествіе Спасителя. Слышится пѣніе „Христосъ рождается, славите“, и проч.; на сцену выходитъ Милость Божія, объявляя на землѣ миръ и въ человѣчѣхъ благоволеніе. Во второмъ явленіи Вражда или Зависть, порожденіе Люцифера и цѣлаго ада, ярится противъ Милости Божіей и проситъ Вулкана и Циклоповъ сковать ей оружіе, которое она разсѣетъ въ іудейскіе предѣлы и прольетъ имъ много крови. Циклопы поютъ хоръ. Затѣмъ слѣдуетъ интермедія—сцена пастуховъ. Выходятъ мужики Борисъ, Аврамъ и Аѳоня. Двое послѣднихъ пошли въ городъ за покупками, а первый остался при овцахъ и, съ наступленіемъ ночи, идетъ искать своихъ товарищей. Съ разспросами о нихъ онъ обращается къ зрителямъ:

Судари, мои свѣты! здорово ль живете?  
Вы въ семь мѣстѣ собрали подавно сѣдете:  
Не видали ли моихъ товарищъ, идущихъ  
Въ городъ, или изъ города кошелю несущихъ?  
Одинъ уже и пристаръ, маленько горбатый,  
Кривъ на глазъ; имя ему Аврамъ сторожатый;  
Другой молодъ, именемъ Аѳоня названный,  
Въ старомъ пубіонку, что намъ въ подпасочки данный.

Аврамъ и Аѳоня скоро приходятъ: они замѣшались оттого, что зашли „на кружало“ выпить на алтынъ винишка; впрочемъ, не забыли и товарища. Всѣ садятся ужинать. Раздается пѣніе ангеловъ. Мужики удивляются, смотрятъ на небо. Является ангелъ, приноситъ вѣсть о рожденіи Спасителя и велитъ имъ поклониться Христу въ Вифлеемѣ. Испуганные пастухи спрашиваютъ:

Сударь! надобно ли что въ поклонъ понести,  
Штобъ не велѣтъ, якъ нашъ князь, у шею вонъ вести?



Ангель успокаиваетъ ихъ, и они „украшившись въ чулки и лапти новые“, отправляются въ путь. Сцена заключается заимствованнымъ съ польскаго хоромъ „Ангель пастыремъ вѣстилъ“.

Явленіе 4-е представляетъ пастуховъ привѣтствующими поочередно поворожденнаго Христа и затѣмъ возвѣщающими о немъ людямъ.

Въ слѣдующей сценѣ Любопытство звѣздохетское, замѣтивъ появленіе на небѣ новой звѣзды, обращается за разъясненіемъ ея значенія къ пророку Валааму, который встаетъ изъ гроба и объясняетъ свое пророчество о Христѣ. Любопытство посылаетъ волхвовъ вслѣдъ за звѣздою.

Дальнѣйшій ходъ пьесы слѣдуетъ, въ общемъ, евангельскому сказанію о пришествіи волхвовъ къ Ироду, поклоненіи ихъ Христу и возвращеніи на родину инымъ путемъ, о повелѣніи Ирода избить всѣхъ Вифлѣмскихъ младенцевъ мужскаго пола, о плачѣ Рахили и проч.

Вождь воиновъ приносятъ къ Ироду головы дѣтей; Иродъ въ радости велитъ лѣтъ и засыпаетъ. За сценой—хоръ, призывающій Отмщеніе; слуги царскіе въ ужасѣ разбѣгаются, и предъ Иродомъ, во слѣ, является Невинность, въ бѣлой одеждѣ, съ двумя чашами, наполненными кровью и слезами. Истина объявляетъ, что Ироду уготовано мѣсто въ гееннѣ, и приказываетъ двумъ ангеламъ водворить Невинность на небо. Иродъ, проснувшись, дѣйствительно чувствуетъ себя больнымъ, заживо сгниваетъ отъ болѣзни, сѣтуетъ на свою судьбу и умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ. Отмщеніе низвергаетъ его въ адъ, гдѣ въ адскихъ мукахъ онъ вопіетъ и проклинаетъ своихъ совѣтниковъ и день своего рожденія.

Два послѣднія явленія (17 и 18) представляютъ какъ бы заключеніе антипролога. Смерть торжествуетъ, напоивши землю кровію 14 ти тысячъ младенцевъ и убивши Ирода, и хочетъ сѣсть на престолъ и возложить на себя вѣнецъ. Но



Жизнь ее останавливает: она Жизнь, а не Смерть, на вѣки сохранить за собою престоль и увѣнчать свою другиню Натуру. Крѣпость Божія объявляетъ, что Иродъ терпитъ муки за гордыню, и что такія же муки уготованы грѣшникамъ, „убивающимъ Христа своими грѣхами“.

Эпилогъ, по обычаю, благодарить слушателей за вниманіе и просить прощенія за ошибки въ дѣйствѣ. Онъ заключается такими словами:

Сему всякъ съ охотою, молимъ, да внимаешь,

Ты же, архіерею, да благословишесь <sup>1)</sup>.

Изъ послѣднихъ словъ можно видѣть, что Рождественская драма сочинена не самимъ св. Димитріемъ, а, вѣроятно, учителями его Ростовской школы. Вѣроятно, она имѣетъ корни свои еще въ Кіевской и вообще южнорусской школьной драматической литературѣ. Здѣсь мы видѣли афишу какой-то пьесы на Рождество Христово, занесенную въ Галицію и состоящую собственно изъ пролога и эпилога, изъ которыхъ видно, что въ пьесѣ говорилось о рожденіи Спасителя, котораго славословятъ ангелы съ пастырями и привѣтствуютъ восточные цари съ дарами. Мы видимъ въ Ростовской драмѣ и нѣкоторые персонажи и сцены кіевскихъ пассіональных драмъ, напр. Натуру людскую, встрѣчающуюся въ Кіевскихъ пьесахъ „Царство Натуры Людской“ 1698 г. и „Свобода“ 1701 года, и Циклоповъ, кующихъ оружіе на людскую пагубу, которымъ соотвѣтствуютъ седмочисленные грѣхи въ „Свободѣ“ 1701 года, и дьяволы, кующіе оружіе на міръ, въ предыдущей Ростовской афишѣ. Есть въ Ростовской драмѣ и нѣкоторые излюбленные при-

<sup>1)</sup> „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ“ Н. Тиховравова, т. I, СПб., 1874 г., стр. 339 и сл.; „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, 1889 г., т. I, стр. 89—95. „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. А. Шляпкина, 1891 г., стр. 343—7.



эмы самого св. Димитрія, встрѣчающіеся и въ его „Успенской драмѣ“, и въ „Грѣшникѣ кающемся“, какъ наприм. обращеніе пастуха Бориса непосредственно къ зрителямъ, облеченіе Невинности въ бѣлую одежду и сопровожденіе ея двумя ангелами на небо, отчаяніе умирающаго Ирода и проклятіе имъ дни своего рожденія. Эти приемы могутъ свидѣтельствовать о томъ, что драма составлялась не безъ указаній и участія самого св. Димитрія.

Сценическая постановка Ростовской драмы напоминаетъ собою такую же постановку извѣстной уже намъ пьесы объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ 1673 года. И въ Ростовской драмѣ съ одной стороны ангелы спускаются съ неба (изъ райа) къ пастухамъ, а съ другой—Иродъ мучится въ аду. Въ аду же, вѣроятно, помѣщались и циклопы, которыхъ Вражда заставляетъ ковать себѣ оружіе: оттуда выходили на землю аллегорическія фигуры Брани, Ненависти, Смуты и проч.; съ неба являлись Милость и Крѣпость Божія. На земной сценѣ съ одной стороны должно было находиться изображеніе Виолеема, гдѣ происходили сцены поклоненія пастуховъ и царей, съ другой стороны—дворецъ Ирода, такъ что дѣйствіе разыгрывалось попеременно то здѣсь, то тамъ<sup>1)</sup>.

Питаясь южнорусскими и въ частности Кіевскими источниками и матеріалами, Ростовская рождественская драма получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣстный Ростовскій великорусскій колоритъ. Ея пастыри Борисъ, Авраамъ да Ааронъ въ сущности малорусскіе „чабаны“ со своими „отарами“ овецъ, но они являются въ обстановкѣ великорусской жизни и похожими на великорусскихъ мужиковъ и говорятъ полу-малорусскимъ, полу-великорусскимъ языкомъ.

Нѣкоторые видятъ въ Ростовской рождественской драмѣ черты сходства съ позднѣйшимъ малорусскимъ вертепомъ,

<sup>1)</sup> „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 100.

наприм., въ эпизодахъ о пастыряхъ и о плачущей Рахили, но это сходство объясняется тѣмъ, что и Ростовская драма, и вертепъ почерпали изъ одного общаго имъ источника <sup>1)</sup>).

5) Димитріевская драма носитъ такое заглавіе: „*Вънеси славно-побѣдный* добродѣйнику, храбренику Христову св. великомученику Димитрію въ день преславнаго праздника его торжественна отъ смиренныхъ, того именовосца пресвященнаго Димитрія, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, питомцевъ грамматики, учащихся младенцевъ стихословнѣ отъ дванадесяти цвѣтовъ сплетенный въ богоспасаемомъ градѣ Ростовѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1704“. Вѣроятно, п она тоже составлена учителями Ростовской школы св. Димитрія.

Эта небольшая пьеса состоитъ изъ антипролога, пролога, двухъ дѣйствій, раздѣленныхъ на шесть явленій каждое, и эпилога.

Въ антипрологѣ „Идолопоклонство величается о своей силѣ и многобожіи:

Во всей бо подсолпечной азъ есмь прославленно  
Запе боги моими сталося умноженно;  
О Кронѣ и Зевесѣ и Фебѣ хвалюся,  
О Арей и Ерміи честна быти мнюся“, и т. д.

Точно такъ же и въ первомъ дѣйствіи царь Максиміанъ „хвалится о силѣ своей“; но идолы предсказываютъ ему свое паденіе и умноженіе православія. Разгнѣванный царь посылаетъ воиновъ преслѣдовать христіанъ и назначаетъ Димитрія Солунскимъ воеводой. Димитрій, „на своемъ властительскомъ сѣдѣ мѣстѣ, усумнѣвается: лучше ли бояться царя земного, или небеснаго“, и рѣшается проповѣдывать христіанство. Въ этомъ рѣшеніи его поддерживаютъ аллегорическія лица Вѣры, Надежды и Любви. Во второмъ дѣйствіи, царь, узнавъ, что Димитрій—христіанинъ, пытается

<sup>1)</sup> „Малорусскій вертепъ Гр. П. Галагана“, П. И. Житецкаго, въ „Кіевской Старинѣ“, октябрь, 1882 г., стр. 5.



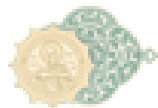
убѣдить его возвратиться къ идолопоклонству, но, не успѣвъ въ этомъ, ярится и приказываетъ заключить его въ темницу, а идолопоклоннику Лію—боротся съ христіанами и истреблять ихъ. Христіанинъ Несторъ, по благословенію Димитрія, побѣждаетъ гонителя Лія; царь, въ гнѣвѣ, приказываетъ отсѣчь голову Нестору и заколотъ Димитрія копьями. Казнь Нестора и Димитрія представлены въ яѣмой сценѣ. „Тщеславіе Максиміаново хвалится, аки бы Максиміана вся подсолнечная тропещеть о мучительствѣ его, наипаче же о убіеніи христіанъ; но слава Димитрія поражаетъ Тщеславіе копьемъ и величаетъ „достопобѣдника Христова“<sup>1)</sup>.

6) Св. Димитрію Ростовскому приписывалась еще пьеса „Воскресеніе Христово“, до сихъ поръ не найденная въ текстѣ<sup>2)</sup>.

Такимъ образомъ, изъ пьесъ, извѣстныхъ и дошедшихъ до насъ съ именемъ св. Димитрія, двѣ несомнѣнно составлены самимъ Димитріемъ („Успенская драма“ и „Грѣшникъ кающийся“), а Рождественская и Димитріевская драмы, вѣроятно, составлены учителями Ростовской его школы, но не безъ его инициативы и указаній. Это обстоятельство и служить причиною того, что почти всѣ драмы съ именемъ св. Димитрія, хотя бы и не имъ написанныя, имѣютъ общій всѣмъ имъ индивидуальный характеръ. Большая часть ихъ основана на историческихъ документахъ, взятыхъ или изъ Св. Писанія, или изъ житійной литературы, и имѣетъ преобладающую форму мираклей. По внутреннему же своему характеру, всѣ онѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ, отличаются искренностію и глубиною религіознаго чувства, любовнымъ отношеніемъ къ низшей братіи (пастухамъ, крестья-

<sup>1)</sup> „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 339—340; „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. А. Шляпкина, прилож. VI, стр. 59—70.

<sup>2)</sup> „Чтенія въ Императ. Обществѣ исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ“, 1907 г., кн. 3, отд. II, стр. II.



янамъ) и особенно всепрощающимъ милосердіемъ къ грѣш. ному человѣку. Вѣроятно, благодаря этому глубоко-христіанскому гуманному настроенію своему, пьесы св. Димитрія пользовались въ послѣдствіи времени популярностію и успѣхомъ. Есть извѣстіе, что пьеса „Грѣшникъ кающійся“ представлена была при дворѣ Елизаветы Петровны, при участіи Волкова и Дмитревскаго <sup>1)</sup>, и что списки драмъ св. Димитрія сдѣланы были Волковымъ и для Екатерины II <sup>2)</sup>.

Н. Петровъ.

<sup>1)</sup> „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 110.

<sup>2)</sup> „Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ“, 1907 г., кн. 3, отд. II, стр. II.